

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1. Общие положения

Отношение к труду в тот или иной исторический период принято рассматривать с точки зрения реконструкции основных составляющих трудовой этики Центральным вопросом в этом контексте является вопрос «для чего я работаю?» В историческом плане ответ на него довольно сложно поддается детальной реконструкции, поскольку связан как с новыми, характерными только для изучаемого исторического периода трудовыми этическими нормами и ценностными ориентациями, так и с доминировавшими в обществе на более раннем этапе этическими установками по поводу труда. В целом речь идет об устойчивых ментальных представлениях и тех новациях, которые на них «накладываются»

В социологической литературе принято рассматривать два идеальных типа трудовой этики — традиционный и современный¹. Традиционный тип трудовой этики называют еще потребительским или минималистским. Трудовая деятельность традиционного типа ориентирована на удовлетворение скромных, практически минимальных потребностей семьи в питании, одежде, жилье. Все заработанное, согласно этическим представлениям традиционного типа, следует тратить и не стремиться к накоплению. Такой труд «доставляет хлеб насущный и одежду, но не имеет цели доставить богатство»², и именно он составляет суть «этики праздности» доиндустриального общества. Переход к современному типу трудовой этики, охвативший в разных странах Западной Европы период позднего средневековья и раннего нового времени, основа

тельно исследован в медиевистике³ и, без преувеличения, является одной из центральных проблем современной исторической антропологии. Современный тип трудовой этики, который также называют буржуазным или максималистским, ориентирован на достижение высших результатов в труде, максимально возможных заработков (доходов), а для предпринимателей — максимальной прибыли

2. Трудовая этика дореволюционной России

Историки дореволюционной России сходятся во мнении, что трудовая мораль российского крестьянства представляла собой классический образец традиционной трудовой этики⁴. Вслед за представителями организационно-производственной школы экономической мысли (А В Чаянов, А Н Челинцев и др.), которые в свою очередь обобщали исследования русских земских статистиков, в современных исследованиях убедительно доказывается, что крестьянин работал до удовлетворения скромных семейных нужд, не стремился к накоплению и весь годовой доход потреблял. При этом в силу традиции крепостной зависимости среди факторов мотивации труда принуждение играло исключительно значимую роль

Б. Н. Миронов, наиболее обстоятельно исследовавший этот вопрос на огромном массиве источников XVIII — начала XX вв. пришел к двум исключительно важным выводам. Во-первых, что трудовая этика большинства российских крестьян в течение всего периода империи вплоть до 1917 г. не претерпела радикальных изменений и оставалась минималистской, потребительской⁵. Исключение составило значительное меньшинство — около 30% крестьян, не удовлетворенных общинными порядками, в том числе и необходимостью следовать традиционной трудовой этике, которые захотели выделиться из общины и работать по-новому. Именно они и поддержали столыпинскую реформу⁶. И, во-вторых, «если иметь в виду благосостояние населения, то не монголо-татарское иго, не крепостное право и его пережитки, не самодержавие (этот ряд псевдопричин легко продолжить) задерживали его повыше-

ние, а то, что российский народ вплоть до 1917 г жил по принципам традиционной трудовой этики или по христианским заповедям, т. е. не превращал трудолюбие, деньги и время в фетиши, которым следует поклоняться. Время — не деньги, был он уверен, время — праздник »⁷ Б. Н. Миронов подчеркивает обусловленность традиционной крестьянской трудовой этики более общим контекстом православной ментальности. Конфессиональная составляющая, таким образом, играет в конкретно-историческом типе трудовой этики важную, а возможно и решающую роль. Это положение подтверждают исследования В. В. Керова, анализирующего трудовую этику старообрядцев⁸ и особые устои старообрядческого предпринимательства. Важность конфессионально-этических основ трудовой деятельности подчеркивает также и Т.Б.Коваль⁹. Исследования конфессионально-этического фактора, и прежде всего выводы В.В.Керова, позволяют говорить о том, что в России существовал значительный по своему влиянию в обществе слой предпринимателей-старообрядцев, трудовая этика которых имела ярко выраженный максималистский, буржуазный характер.

Анализируя трудовую этику российских рабочих в конце XIX — начале XX вв., Б.Н.Миронов указывает, что она «в пореформенное время в основном оставалась традиционной, минималистской и весьма медленно трансформировалась в современную, максималистскую»¹⁰. Узкое место трудовой этики российского рабочего, по мнению Б. Н. Миронова, «состояло не в том, что он в принципе не мог интенсивно работать, а в том, что работать в полную меру своих сил он считал необходимым не каждый день, а лишь в экстраординарных ситуациях, да и в эти минуты трудового энтузиазма он не мог трудиться качественно из-за недостатка квалификации, знаний, рачительности, предприимчивости и элементарной дисциплины» Вместе с тем, к началу XX в среди российских рабочих существовала немногочисленная группа, отличавшаяся современным отношением к труду, которая в литературе тех лет называлась «рабочей аристократией». Ее представители уже вполне адаптировались к правилам капиталистического об-

раза жизни, за что их так ненавидел В.И.Ленин, считавший рабочую аристократию главной опорой буржуазии¹¹.

Таким образом, в дореволюционной России доминировала традиционная, минималистская трудовая этика, как среди большей части крестьянства, так и среди большей части промышленных рабочих. Вместе с тем, существовали и становились все престижнее современные этические установки, имевшие иную (как правило, старообрядческую) конфессиональную основу или же являвшиеся первыми плодами модернизации.

Существует огромная историческая литература, посвященная отношениям между предпринимателями и рабочими на промышленных предприятиях в конце XIX - начале XX вв¹². Применительно к нашей теме исследователи, прежде всего, подчеркивают

1) пренебрежительное отношение большей части рабочих к деньгам и отсутствие у них карьерных устремлений современного типа (желания повышать квалификацию, добиться уважения среди коллектива рабочих и пр.),

2) особый характер труда на исключительно распространенных в России казенных заводах, при котором воспроизводился характер отношений между приписными крестьянами и управляющим,

3) эффективность в условиях господства традиционной трудовой этики специфической системы патерналистских отношений между рабочими и предпринимателем на промышленных предприятиях.

Система патерналистских отношений на российских фабриках и заводах, как считает наиболее авторитетный исследователь этой проблемы И.В.Поткина, стала результатом, с одной стороны, государственного законодательного стимулирования некоторых важнейших институтов в конце XIX — начале XX вв , с другой, добровольной поддержки силами и средствами самих владельцев¹³.

Под влиянием перечисленных факторов в конце XIX — начале XX вв. утверждение индивидуалистической современной максималистской трудовой этики не переросло в генеральную тенденцию¹⁴, а напротив, традиционные этические пред-

ставления модифицировались, шел процесс их приспособления к условиям индустриального производства. С таким на- следием в области этики труда Россия вступила в эпоху стро- ительства социализма

3. Трудовая этика первых послереволюционных лет

Первые послереволюционные годы отличаются крайней противоречивостью как в доктринальных установках больше- виков по поводу труда, так и в области отношения к труду со стороны промышленных рабочих. С одной стороны, налицо своеобразный «культ труда», которым изобиловала больше- вистская пропаганда первых послереволюционных лет. Про- возгласив в России строительство «Республики Труда», боль- шевики декларировали стремление к таким социальным отно- шениям, «чтоб труд владыкой мира стал и всех в одну семью спаял». Освобожденному Трудом ставились памятники, а «под- невольный труд» до революции подвергался всяческим про- клятиям Труд, и прежде всего физический, объявлялся источ- ником всех благ в новом обществе, а принадлежность к работ- никам физического труда должна была формально выводить человека на высшую ступень общественной иерархии. Обрат- ной стороной медали стали преследования «нетрудовых и экс- плуататорских элементов», направленные сначала против так называемых «бывших»¹⁵, а затем дискриминация в отношении «лишенцев»¹⁶. Социальная политика, сутью которой была ре- ализация закрепленного в Конституциях 1918 и 1924 гг. лозун- га «кто не работает, тот не есть», проводилась фактически до 1934 г. Формально применение дискриминационных мер в от- ношении «нетрудовых и эксплуататорских элементов» прекра- тилось в 1936 г., когда, с принятием новой Конституции и объяв- лением социализма построенным, эти чуждые ему социальные группы исчезли. Считалось, что «нетрудовые элементы» пере- воспитались в результате участия в физическом труде¹⁷ или в силу возраста потеряли трудоспособность. Таким образом, именно труд и участие в нем стали в новом обществе причи-

ной бедствий и страданий одних. Но стал ли труд залогом счастья и процветания для других?

На промышленных предприятиях большевики сразу же после прихода к власти стали проводить наиболее существенные завоевания западноевропейского рабочего движения в области трудовых отношений. Особенностью этой политики было то, что основное внимание уделялось вопросам дисциплины труда. А К Соколов считает, что это стало следствием следующих обстоятельств. «Во-первых, российская экономика в этот период находилась на грани полного развала; во-вторых, большевистские лидеры отчетливо осознавали общие черты экономической отсталости России по сравнению с Западом, в-третьих, они не высоко в целом оценивали трудовой потенциал российских рабочих, делая ставку преимущественно на так называемых «сознательных пролетариев»¹⁸. Трудовая дисциплина на протяжении всего советского периода толковалась исключительно широко и в первые годы советской власти включала значительный спектр обязанностей со стороны рабочих активное и добросовестное отношение к работе, заботу о машинах и оборудовании, соблюдение распорядка и правил на производстве, борьбу с прогулами, опозданиями и пр. Трудящиеся, согласно высказываниям В. И. Ленина по этим вопросам, должны были сами (в результате практического опыта и развития сознательности) приходиться к убеждению, что уровень их благосостояния зависит исключительно от дисциплины труда. Таким образом, связка сознательность — дисциплина - благосостояние прослеживается вполне отчетливо. Уязвимость такого построения усугублялась гражданской войной, на которую в результате постоянных мобилизаций было отправлено подавляющее большинство тех самых «сознательных пролетариев» Петрограда, Москвы и других городов, общей разрухой и наступившем в результате деклассированием пролетариата, признанным даже в советской историографии. Согласно новейшим данным за годы гражданской войны «предположительно общие потери вооруженных сил Советской власти можно определить в 1150-1250 тыс. чело-

..... 105
век»¹⁹. Первое, ключевое звено — сознательность — таким образом, уже к началу 1920-х гг., в явном виде отсутствовало.

Годы гражданской войны были ознаменованы мобилизационными формами организации труда. Трудовая повинность все больше становилась похожа на воинскую, а к рабочим, уходившим в деревню в поисках хлеба насущного, IX съезд РК.Щб) предложил применять меры по борьбе с «дезертирами трудового фронта» - создание штрафных батальонов, публикация списков дезертиров, заключение в концентрационные лагеря²⁰ и др. Вместе с тем, продолжавшаяся разруха, топливный и энергетический кризис вели к неуклонному падению производительности труда. В апреле 1920 г. на III съезде профсоюзов В. И. Ленин прямо обвинил во всем рабочих, проводя резкую грань между — «идущими на все жертвы и создающими трудовую дисциплину, и рабочими, не умеющими приносить таких жертв, рабочими, которых мы рассматриваем как шкурников и выкидываем их из пролетарской семьи»²¹.

Опору большевиков преимущественно на принудительные меры подтверждает тот факт, что даже участие коммунистов в субботниках (которые они довольно часто пропускали) проходило в порядке партийной дисциплины²². Начиная с 1921 г., когда общая ситуация перестала быть столь острой, сопротивление субботникам даже среди коммунистов усилилось. Так, после обсуждения на общем партийном собрании коммунистической ячейки при Московском телеграфно-телефонном заводе 12 января 1921 г доклад о субботниках вызвал много прений. «Обсудив вопрос всесторонне» собрание вынесло следующую резолюцию: «Заслушав доклад о субботниках, ячейка констатирует, что субботники имевшие в свое время ударный характер, начинают постепенно эту остроту терять. Налаживание новых форм хозяйства должно быть основано на строго построенных организационных формах коллективного труда: субботники тормозят духовное развитие пролетариата, уменьшают производительность его труда и как не выдерживающие во многом критику должны быть отменены»²³. В приведенном примере следует обратить внимание также и на то, что рядовые коммунисты (несомненные выразители всего ком-

плекса противоречивых воззрений первых лет советской власти) связывали налаживание новых форм хозяйства со «строго построенными формами коллективного труда». Результаты коллективного труда, согласно взглядам тех лет, должны были распределяться поровну. Как отмечает А. К. Соколов «в ряду инициатив, шедших снизу, явно сквозил также принцип уравнительности и уравнительной справедливости: все должны трудиться одинаково и получать одинаково. Такими были представления в народе о социализме, и это нашло отражение в советских декретах, постановлениях профсоюзных и рабочих собраний. С первых лет советской власти обозначился, по сути, главный конфликт: борьба уравнительной и дифференцированной политики в области вознаграждения за труд»²⁴.

Парадокс ситуации заключался в том, что сдерживать бегство рабочих в деревню и удержаться у власти в годы гражданской войны большевикам, наряду с уже названными карательно-дисциплинарными санкциями, позволили прежние до-революционные патерналистские практики, в которые они пытались вложить новое содержание. Анализ архивных документов показывает, что повседневная деятельность первичных партийных ячеек и особенно завкомов²⁵ сводилась к организации огородов в непосредственной близости от завода и огородных коммун из числа рабочих для выращивания на них овощей, охране и сбора урожая, выдаче печей-буржеек для обогрева жилья, сбору экспедиций за продовольствием в южные губернии. Патернализм и опека стали тем определяющим механизмом, который не только гасил протестные настроения, но и вел к упрочению позиций новой власти на промышленных предприятиях.

Конкретные шаги в рамках этого механизма менялись по мере выхода из продовольственного и топливного кризиса. Начиная с 1921 г., после некоторого улучшения ситуации, сфера повседневных практик патерналистского типа существенно расширилась. Такого рода деятельность была направлена на организацию детских садов и яслей²⁶, досуга, как в выходные²⁷, так и в праздничные дни²⁸, труда и отдыха подростков и молодежи²⁹, среди которых было довольно много сирот и

бывших беспризорных. Таким образом, в 1920-е гг. в этой деятельности можно проследить два этапа. Если в годы гражданской войны патернализм и опека имеют по большей части вынужденный характер, направлены на организацию физического выживания рабочих, то после некоторого оживления промышленности в рамках этого механизма реализуется система стимулов к труду. Ее своеобразие состоит в том, что в отсутствие последовательной линии на дифференцированную оплату труда, именно организация инфраструктуры предприятий, системы льгот и дополнительных возможностей имела важную компенсаторную, а иногда и стимулирующую функцию. Вместе с тем, сложная финансовая ситуация в стране в целом и большинства промышленных предприятий вела к тому, что в 1920-е гг. сфера патерналистских практик охватывала, главным образом, досуг, образование и разные формы общественной активности. На строительство жилья, улучшение условий труда, питания в столовых не было средств, что существенно сдерживало масштаб этой деятельности и ее стимулирующие влияние на трудовой процесс. С конца 1920-х гг. из деревни в город ежегодно переходило около 1 млн. человек, которые несли с собой традиционные крестьянские представления о трудовом ритме, буднях и праздниках, плохих и хороших хозяевах. Сложившаяся система должна была «обиходить» вчерашнего крестьянина — по возможностям тех лет — дать койку в бараке, хоть какой-то домашний скарб, организовать привычный коллективный досуг, обучить основам нового ремесла. Свой уход из деревни и сами крестьяне, и администрация предприятий поначалу рассматривали как явление временное, как привычный для русского мужика отход. Такая ситуация, естественно, не предполагала основательного обзаведения жильем, хозяйством и пр., да это и не соответствовало идеологическим установкам тех лет. Ни о какой иной трудовой этике, кроме традиционной в ее новом, обрамленном идеологией, варианте речь в те годы идти не могла.

4. Трудовая этика первых пятилеток

После проведения коллективизации для подавляющего большинства крестьян переезд на стройки и промышленные предприятия стал терять черты отхода. Люди были поставлены перед необходимостью приспособливаться к новым условиям жизни. На начало 1929 г. пришлось и радикальные изменения в организации индустриального труда — было объявлено о развертывании социалистического соревнования на фабриках, заводах, на транспорте и в строительстве. Социалистическое соревнование провозглашалось одним из главных условий выполнения заданий пятилетки, формирования нового отношения к труду и нового человека социалистического общества. Новая политика в сфере трудовых отношений опиралась на способность к интенсивной работе в экстраординарных ситуациях, на которую обратил внимание Б. Н. Миرون, анализируя источники рубежа XIX — XX вв. Качественный труд, квалификация, знания, рачительность, предприимчивость и элементарная дисциплина не были востребованы в годы первой и отчасти второй пятилеток. На стройках первых лет индустриализации превалировал в основном физически тяжелый малоквалифицированный труд. Темпы индустриализации настраивали людей на авральный, штурмовой ритм работы, на ударное, коллективное, одномоментное и конечное в обозримой перспективе действие.

Не следует сбрасывать со счетов и пропаганду тех лет, направленную на молодых, физически выносливых людей, не обремененных еще семьей и всеми вытекающими отсюда материальными проблемами. В пропаганде был взят курс на «насаждение радости», что наиболее ярко отразилось в песнях. В них «радость поет, не скончая», страна встает «со славою навстречу дня», люди выходят «навстречу труду и любви»³⁰. Совершенно отчетливо прослеживается архетип труда-борьбы, битвы. И если в песнях 1920-х гг. труд-борьба окрашивается в тревожно-мрачные тона, то в первой половине 1930-х гг. труд эмоционально связывается с удалью, весельем, смехом «веселых ребят».

Мы можем петь и смеяться, как дети,
Среди упорной борьбы и труда"

Вполне естественно, поэтому социально значимым результатом этого труда-битвы является подвиг (а не нормальный, монотонный трудовой ритм)

Труд наш есть дело чести,
Есть подвиг доблести и подвиг славы.

В бою обычно не принято задумываться над приказом командира и уж тем более о материальном вознаграждении. Сам по себе процесс труда-битвы, победа в ней, совершение подвига является вполне достаточной мотивацией. Важен процесс как таковой, предвкушение³² победы:

К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься, -
Мечта прекрасная, еще неясная,
Уже зовет тебя вперед³³.

Вместе с тем, ориентироваться на аврально-штормовой ритм в качестве долговременной перспективы оказалось совершенно не продуктивно. Тем более, что в начале 1930-х гг в стимулировании ударников применялись, главным образом, формы морального и общественного поощрения (грамоты, свидетельства, удостоверения, помещения фотографии на доску почета и пр.). Материальное вознаграждение в виде премий выдавалось только за превышение плана, премирование же за выполнение производственных заданий допускалось лишь в тех случаях, когда это было связано с исключительным напряжением в работе³⁴. Премии были иногда просто мизерными. Так, в литературе упоминаются случаи, когда ударникам было выдано по две пачки папирос. Следует подчеркнуть, что материальное стимулирование труда ударников сочеталось с льготами — путевками в санатории и дома отдыха, правом поступать в вузы и техникумы Система льгот была закрепле-

на в постановлении ЦИК и СНК от 15 декабря 1930 г Решениями 1929-1931 гг денежное вознаграждение ударного труда четко регламентировалось. Поэтому для 12 млн крестьян, ушедших из деревень в поисках лучшей жизни, особых материальных перспектив не прослеживалось. Не имея даже элементарных навыков индустриального труда, вчерашние крестьяне странствовали по стране, порождая невероятную текучесть кадров. Так, на Метрострое и легендарной Магнитке текучесть кадров в годы второй пятилетки достигала в отдельные моменты 300-400%. В отраслевом отношении наиболее высокая текучесть кадров была в каменноугольной промышленности: «в 1930 г. поступивших на шахты рабочих было в 3 раза больше и уволившихся почти в 3 раза больше, чем в среднем за год в период первой пятилетки.»³⁵ На фоне всей этой аврально-штурмовой индустриализации первой половины 1930-х гг, основной движущей силой которой был вчерашний крестьянин с тачкой и лопатой, повсеместно разворачивалась подготовка инженерных кадров. Рабфаки стали для многих, особенно для молодежи, исключительно мощным карьерным стимулом. Таким образом, оба обстоятельства — переходы с предприятия на предприятие в поисках лучших условий и поступление на учебу — формировали отношение к индустриальному труду как к временному факту собственной биографии.

Все перечисленные обстоятельства и стали объективной основой кризиса трудовой этики первых пятилеток. Особой остроты ситуация достигла в середине 1930-х гг. после проведения реконструкции большинства промышленных предприятий. Реконструкция предприятий шла в основном по линии экстенсивного расширения производственных мощностей при сохранении прежних тяжелейших условий труда, отсутствии даже простейшей механизации производственных процессов. Ручной тяжелый труд, высокий уровень производственного травматизма продолжал сохраняться и после реконструкции. Так, на заводе «Серп и молот» в 1935 г. произошло 9 несчастных случаев со смертельным исходом, а в 1936 - 10³⁶ Причиной большинства несчастных случаев было пренебрежение

..... 111

элементарными правилами техники безопасности, спешка при выполнении производственных заданий. Приток крестьян на промышленные предприятия, особенно сильно ощущавшийся в Москве и Ленинграде, привел к настоящему коллапсу заводской инфраструктуры, практически все «объекты» которой строились еще до 1917 г. На заводе «Серп и молот» практически все бараки для рабочих были построены еще при Гужо-не. По данным заводских отчетов жилая площадь в бараках завода на 1 человека составляла в 1936 г. 1,6 кв. м., а в домах - 2,5 кв. м.³⁷ На всем протяжении 1930-х гг. ситуация оставалась без изменений. В годовом отчете за 1937 г. отмечалось, что «дома и бараки крайне ветхие, не благоустроенные, разбросаны по пяти районам с расстоянием друг от друга и от завода до 15 км»³⁸. В отчете 1938 г об условиях жизни в заводских бараках сказано, что «... семейные с детьми малого и среднего возраста отгорожены лишь ситцевыми занавесками и занимают койки не по количеству членов семьи, а помещаются в большинстве случаев по 2 чел на одной койке, что вызывает недовольство среди рабочих»³⁹. Если называть вещи своими именами, то во второй половине 1930-х гг. рабочие начали фактически бежать с промышленных предприятий. В ситуации дефицита рабочей силы увольнение как санкция за прогул, предусмотренная действовавшим в этот период постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогул без уважительных причин», была абсолютно недейственной и практически не применялась предприятиями на практике.

5. Вознаграждение и принуждение в системе трудовых отношений

В этой ситуации прослеживаются явные изменения в области трудовых отношений. Основные усилия руководства страны направлены на то, чтобы любой ценой прикрепить рабочих к промышленным предприятиям. С точки зрения этики труда суть этих мер состояла в том, чтобы любой ценой сформировать отношение к индустриальному труду как к по-

стоянному процессу. Важно назвать следующие направления новой политики.

Прежде всего речь шла о развитии и расширении инфраструктуры предприятия, которая была бы способна реально обеспечить материальное вознаграждение в натуральной форме, сочетавшееся с прочной системой социальных гарантий. И администрация завода, и рабочие считали возможность получения различного натурального вознаграждения существенно важнее денежного, во всяком случае до 1947 г., когда роль денег в обществе была довольно противоречива и непостоянна. Речь идет, главным образом, о собственной заводской инфраструктуре, включающей жилье, организацию питания, отдыха, распределение товаров широкого потребления и др. Можно сказать, что предпринимается попытка адаптировать существовавшие на промышленных предприятиях формы патернализма к новым условиям, но с прежней целью — прикрепления рабочих к предприятию. Практически реализовывали вознаграждение в натуральной форме Отделы рабочего снабжения (ОРС), существовавшие с 1932 г. на всех крупных предприятиях и в отраслях промышленности. Их роль на фоне кризиса снабжения рубежа 1930-40-х гг. существенно усилилась. ОРС представлял собой мощнейшую инфраструктуру, обеспечивавшую в буквальном смысле жизнедеятельность рабочих и членов их семей. Например, хозяйство ОРС завода «Серп и молот» с начала 1940-х гг. постоянно разрасталось и на 1 января 1946 г. включало: 3 продуктовых магазина, 1 промтоварный магазин, 12 столовых, 2 продуктовые базы, 1 товарную базу, 2 овощехранилища, 1 перевалочную базу овощей, 1 трикотажную мастерскую, 1 обувную мастерскую, 1 сушильный цех для сушки овощей, 2 совхоза (в Реутово Московской области и в Кольчугино Владимирской области)⁴⁰. В полной мере эффективность собственной инфраструктуры проявилась в годы войны, ее развитие продолжалось и в дальнейшем.

В этом же контексте следует рассматривать организацию огородничества, которое началось на заводах уже в последние годы войны и постепенно стало перерастать в садово-огородные товарищества, а затем в организацию дачных уча-

стков. Строительство жилья для рабочих, начавшееся перед войной следует рассматривать в русле той же системы мер. Объемы жилищного строительства и распределение его по месту работы стали набирать обороты в конце 1940-х гг., когда были заложены все материальные предпосылки «хрущевской жилищной революции». Именно работа «за квартиру» стала важнейшим фактором стабильности трудовых коллективов почти на всем протяжении послевоенного периода.

Вторым важным фактором прикрепления рабочих к предприятию и формирования отношения к труду как к постоянному процессу стало принуждение, эффективное в гораздо меньшей степени и носившее характер кампаний. Среди таких мер центральное место занимает Указ ВС СССР от 26 июня 1940 г., согласно которому любой случай неоправданного отсутствия на работе подлежал рассмотрению в народном суде. Признанные виновными приговаривались к исправительным работам на рабочем месте сроком до 6 месяцев с удержанием 25% заработка. Одновременно вместо 7-часового вводился 8-часовой рабочий день и семидневная рабочая неделя. Согласно этому Указу было также запрещено расторгать договор о найме в одностороннем порядке, что фактически означало прикрепление работника к предприятию. Еще более жесткий режим на производстве устанавливался уже после начала войны Указом Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г., по которому самовольный уход с работы (дезертирство) наказывался в уголовном порядке вплоть до тюремного заключения, вводились уголовные наказания за опоздания на работу свыше 20 мин.

На первых порах применение на практике чрезвычайных мер привело к существенной стабилизации ситуации на заводе. Так, если в первой половине 1940 г. (до принятия Указа) за прогул было уволено около 10% списочного числа рабочих, то к концу года число уволенных за прогул составляло лишь 0,7% от количества наличных рабочих. Вместе с тем, сокращение прогулов было временным эффектом от очередной кампании руководства. Анализ архивных документов позволяет констатировать, что напряженная ситуация в социальной сфере, еще более усугубившаяся в связи с войной, была

постоянным фактором, вызывавшим нарушения дисциплины. Важным обстоятельством, существенно повышавшим статистику нарушений трудовой дисциплины, стали демографические изменения в составе рабочих завода. Большое количество молодежи, недавних выпускников РУ и ФЗУ (системы Трудовых резервов), а также завербованных молодых колхозников вело к повышению фактора «социальной необустроенности». Именно этот контингент жил в бараках, не имел необходимой одежды и обуви, испытывал чувство голода в условиях карточной системы. Следует заметить также, что несмотря на суровость указов 1940-х гг., статистика прогулов по отношению к наличному составу рабочих ежегодно в 1942-1946 гг. держалась на уровне 8-10%. Это обстоятельство, по всей вероятности, свидетельствует о действительной серьезности причин нарушений трудовой дисциплины. В целом можно согласиться с О. В. Хлевнюком, первым написавшим о чрезвычайных указах еще в годы перестройки, что такого рода методы «направлены против реальностей жизни, конструируют искусственную среду, а значит, не обладают внутренними источниками развития и нуждаются в постоянных, причем все более существенных, внешних импульсах...»⁴¹. Действие чрезвычайных указов было отменено 25 апреля 1956 года.

Говоря об этике труда в этот период, следует отметить, что в годы войны, при всей суровости принудительных мер, максимально расширенной патерналистской практике наиболее действенной была опора на сознательность. Мобилизационная трудовая этика, реализованная в системе отношений «завод - моя семья», является предметом особого рассмотрения. Тем более, что действие факторов, определивших своеобразие трудовых отношений военного времени, судя по архивным документам, носило кратковременный характер и прекратилось в 1943 - начале 1944 г.

**6. «Коммунистический труд»
и потребительская революция**

Попыткой реанимации ленинской идеи опереться на сознательность тружеников, без сомнения, следует считать движение «за коммунистическое отношение к труду». В нем наиболее наглядно проявился менталитет хрущевского поколения руководителей, формировавшихся в годы «социалистического наступления», а в его отторжении обществом - новый разворот общественного сознания. Руководители сразу же после объявления курса на строительство коммунизма предприняли все меры к тому, чтобы срочно найти в повседневной жизни «ростки коммунизма» или, на худой конец, взрастить их искусственно. В октябре 1958 г. труженики легендарного депо «Москва—Сортировочная» выступили с лозунгом «сочетания борьбы за высокопроизводительный труд, повышения общеобразовательных и технических знаний с укреплением социалистического коллективизма, воспитанием коммунистической морали». Иными словами, сознательное отношение к труду теперь должно было включать практически все проявления во всех сферах повседневной жизни. Согласно новой идее, одного только высокопроизводительного труда было не достаточно. Требовалось, чтобы передовик производства сочетал ударный труд с учебой в вечернем институте, занятиями в самодеятельности и пр. За «коммунистическое отношение к труду» следовало бороться не в одиночку, а целыми бригадами, цехами и предприятиями, что должно было отвечать коллективистскому духу и характеру грядущих общественных отношений. За исключением единичных случаев действительно искренней коллективистской атмосферы, движение в целом быстро переросло в формализм. Об этом наглядно свидетельствуют темпы роста участников движения: если в конце 1958 г. в соревновании на звание бригад коммунистического труда участвовало 35 тыс. рабочих коллективов, то в мае 1960 г. - более 5 млн. человек, а в 1961 г. - уже более 20 млн. Таким образом, количество участников движения в 2 раза превысило численность коммунистической партии и составило 10% от всего трудоспо-

собного населения страны⁴². Иными словами, в участники акции записывали всех подряд. Аналогичными темпами росло и число «ударников коммунистического труда».

Попытка реанимировать довоенные формы трудового энтузиазма была обречена на поражение в силу объективных обстоятельств. Среди них следует отметить следующие, наиболее важные. Прежде всего, материальные стимулы тщательным образом сдерживались сверху. Под лозунгом «превращения труда в первую жизненную потребность» систематически проводилось снижение расценок на производстве. В сельском хозяйстве движение «за коммунистическое отношение к труду» трансформировалось в весьма своеобразный «поход за лучшее использование сельскохозяйственной техники, за то, чтобы каждый трактор, каждая машина была в надежных руках». «Поход» должен был амортизировать в общественном сознании дефицит тракторов и комбайнов, возникший в результате непомерных вложений в освоение целинных и залежных земель. Таким образом, люди видели, что коммунистической фразеологией партийные идеологи просто прикрывают собственные просчеты.

Вторым важным обстоятельством, на которое пока обращается мало внимания в исторической литературе, было то, что реанимация энтузиазма разворачивалась в условиях набиравшей силу потребительской революции. Общий контекст советской повседневности тех лет, когда люди получали первую в своей жизни отдельную квартиру, обзаводились предметами обстановки и быта, были сосредоточены на личных, семейных интересах, входил в полное противоречие с призывами к «коммунистическому труду». В призывах превратить «труд в первейшую жизненную потребность» люди видели очередную попытку государства решить свои проблемы за их счет. Сложившаяся на предприятиях система вознаграждения за труд входила в явное противоречие в новой социальной ситуацией. Суть противоречия состояла в том, что существовал широкий спектр различного рода социальных гарантий - бесплатное медицинское обслуживание, в том числе и в заводском стационаре с более качественным обслуживанием, бес-

платный или льготный отдых в санаториях и на курортах, бесплатное жилье по социальной норме, выделение дачных участков, продовольственных заказов и пр. Общая тенденция в развитии этой системы социальных гарантий сводилась к распределению их вне зависимости от трудового вклада потребителя гарантий, а также к росту спектра гарантированных благ и повышению их качества. Таким образом, вне зависимости от трудового вклада каждый работник получал из года в год все больше и больше социально-гарантированных благ в их натуральном выражении. Если учесть, что занятость в СССР была гарантирована всем без исключения, включая хронических алкоголиков и прогульщиков, то с точки зрения социальных гарантий они были абсолютно равны с квалифицированным рабочим, дававшим стране сверхплановый металл. С другой стороны, материальное вознаграждение за труд в виде заработной платы постоянно сдерживалось как под влиянием идеологических установок, так и в силу того, что система социальных гарантий требовала постоянной подпитки. Кроме того, в условиях дефицитной экономики повышение уровня и качества жизни было связано не столько с повышением заработной платы, сколько с возможностями участвовать в теневой распределительной системе (доставать «из-под полы», «по блату», «по знакомству» и пр.). Выскажем предположение, нуждающееся в дальнейшей разработке, что участие в такого рода отношениях для рабочего класса (в силу специфики условий труда и социальной среды) не было органичным. Таким образом, складывалась достаточно небольшая «вилка» между высоким уровнем обязательных социальных гарантий и искусственно сдерживаемым уровнем заработной платы в ситуации дефицитной экономики. Именно эта система вознаграждения за труд была благодатной почвой консервации традиционной трудовой этики в советский период.

Вместе с тем, потребительская революция стала именно той благодатной почвой, на которой в 1960-1980-е гг. развивалась максималистская трудовая этика. Другой вопрос, что ее развитие шло как бы по касательной, не всегда совпадало с официальной тенденцией развития трудовых отношений. Иде-

ократия стала причиной того, что современные этические установки стали развиваться в сфере теневых отношений. Кроме откровенно выраженных участников «экономических преступлений» - разного рода цеховиков, надомников, «черных» стоматологов и парикмахеров, получили распространение разного рода временные, сезонные явления, например, «шабашки» и пр. Правы ведущие отечественные социологи, резонно заметившие, что «... к концу советской эпохи трудовая мораль российских граждан, хотя и не стала вполне максималистской, все же не осталась и минималистской»⁴³.

В постсоветский период тенденция, когда максималистская трудовая этика развивалась «в тени», в криминальной или полукриминальной сфере, стала основной. Эта тенденция стала стремительно набирать обороты еще в годы горбачевского кооперативного движения. Активные усилия власти по сдерживанию заработной платы в бюджетной сфере ведут к расширению теневой экономики. В последние годы это привело, например, к появлению таких экзотических специальностей как «черный археолог», «черный издатель» и др. Результат десятилетнего постсоветского развития России весьма неутешителен — трудовая мораль полностью разрушена. По данным политолога С. Маркова 95% россиян сегодня считают, что честным трудом ничего нельзя заработать¹⁴. Не только богатство, но и просто достойный уровень жизни связывается в их представлении с такими понятиями как «криминал», «воровство», «обман», «спекуляция» и пр. Представляется, что опасность этой ситуации плохо осознается властью, хотя, несомненно, она будет иметь устойчивые долговременные последствия. За десять лет выросло поколение с исключительно размытыми представления о трудовой морали. Поколения, выросшие в прежние годы в силу возраста перестают участвовать в трудовых отношениях. Их представления о трудовой морали в постсоветской обстановке, когда честный труд (преимущественно в бюджетной сфере) оплачивается унижительно низко, по определению не могут быть социально престижными для молодежи. В современной ситуации разница между работником, придерживающимся традиционной трудовой эти-

ки, и работником-максималистом, готовым работать много, не вступая, по возможности, в теневые и криминальные связи, качественно не является существенной. Оба не имеют никаких шансов за счет честного труда улучшить жилищные условия, накопить на достойную старость и т. п. Иными словами, честный труженик в сегодняшних условиях лишен всяких перспектив и просто обречен на исчезновение.

Вероятно, в устойчивости советских ментальных стереотипов следует искать также и причины того, что государство навязчиво пытается уравнивать всех работников бюджетной сферы от уборщицы до профессора. Оно судорожно «втискивает» всех в единую разрядную сетку, согласно которой оплата даже высшего разряда существенно ниже реального прожиточного минимума, реализуя в современных условиях все те же советские уравнивательные принципы.

Рыночные реформы, формально начавшиеся с либерализации цен в январе 1992 г., проходили крайне противоречиво и исключительно болезненно для общества. Представляется, во многом это стало следствием того, что новые социальные установки отсутствовали даже в такой ключевой для переходной экономики сфере как трудовые отношения. Прежние стереотипы полностью отрицались по идеологическим соображениям. Это делало невозможным использование конструктивной составляющей советского опыта в переходный период и усугубляло становление трудовых отношений рыночного типа.

Литература:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. - М., 1990.
2. Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М.М. Громько. - М., 1986.
3. Громько М.М. Мир русской деревни / М.М. Громько. - М., 1991
4. Гуревич Л.Я. Категории средневековой культуры. / Л.Я. Гуревич. - М., 1972.
5. Заславская Т.И. Социология экономической жизни: Очерки теории. /Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина - М., 1991. С. 148-181.

6. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. / В. Зомбарт. - М., 1994. С. 12-20.
7. Керов В.В. Формирование старообрядческой концепции «труда благого» в конце XVII - начале XVIII в. К вопросу о конфессионально-этических факторах старообрядческого предпринимательства. / В.В. Керов // Старообрядчество: история, культура, современность. 1996. - № 5. С. 36-44.
8. Керов В.В. Духовный строй старообрядческого предпринимательства: альтернативная модернизация на основе национальной традиции. / В.В. Керов // Экономическая история. Ежегодник. — М., 1999. С. 195-234.
9. Китанина Т.М. Рабочие Петербурга. 1800-1861 гг.: промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочие движение / Т.М. Китанина. - Л., 1991.
10. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX - начало XX в.) / Ю.И. Кирьянов. - М., 1979.
11. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX - XX вв. / Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций: 1861 - февраль 1917 г. // Ю.И. Кирьянов: Отв. ред. С.И. Потолов. - СПб., 1997.
12. Кирьянов Ю.И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1935-1917 гг. / Ю.И. Кирьянов // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. С. 20-38.
13. Коваль Т.Б. «Духовные христиане»: религиозное своеобразие и этика труда. / Т.Б. Коваль // Мир России. Социология. Этнология. Культурология. Том. II.- №1. - 1993. С. 20-62.
14. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900-1910 годах. / Э.Э. Крузе. - Л., 1981.
15. Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. / Ж. Ле Гофф. - Екатеринбург, 2000.
16. Маркович Д. Социология труда. / Д. Маркович. - М., 1988.
17. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства./ Б.Н. Миронов. Т. 1-2. — СПб., 1999.
18. Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время». / Б.Н. Миронов // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. - М., 1999. С. 278.
19. Население России в XX веке. Том 1. 1900-1939 гг. - М., 2000.
20. Поткина И.В. От социального патернализма к социальной инфраструктуре предприятия: опыт Никольской мануфактуры. Вторая половина XIX — начало XX вв. / И.В. Поткина: Под ред. Л.И. Бородкина // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. — М., 2000.
21. Сафонова Е.И. «Преступления и наказания» в промышленности России в начале 1920-х гг. / Е.И. Сафонова // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. С. 81-86.

22. Смирнова Т.М «Бывшие». Штрихи к социальной политике советской власти. / Т.М. Смирнова // Отечественная история. 2000. № 2 С. 37-48.

23. Соколов А.К Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х годов). / А.К. Соколов // Экономическая история. Обзорение. Вып.4. С. 39-80.

24. Соколов А.К., Тяжелникова В.С. Курс советской истории. 1941 — 1991 гг. / А.К. Соколов. - М., 1999.

25. Тихонов В.И., Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. / В.И. Тихонов, В.С. Тяжелникова, И.Ф. Юшин. - М., 1998.

26. Февр Л Труд: эволюция слова и понятия. / Л. Февр // Бои за историю. — М., 1991.

27 Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 года: иллюзии и реальности администрирования. / О.В. Хлевнюк // Коммунист, 1989. №9. С.86-96

Примечания:

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. М., 1990.; Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. / В. Зомбарт. — М., 1994.; Маркович Д. Социология труда. / Д. Маркович. М., 1988.

² Февр Л. Труд, эволюция слова и понятия./ Л. Февр // Бои за историю. -М., 1991. С 366.

³ Среди огромной литературы по этому вопросу на русском языке особо значимы Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. / Ж. Ле Гофф. — Екатеринбург, 2000; Гуревич А.Я. Категория средневековой культуры./ А.Я. Гуревич. - М., 1972.

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. / Б.Н. Миронов. — Т. 1-2. СПб., 1999 Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М.М. Громыко. — М., 1986; Она же. Мир русской деревни. М., 1991.

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. / Б.Н. Миронов Т2 — СПб., 1999 С 314

⁶ Там же С 315-316.

⁷ Там же С. 317

⁸ Керов В.В. Формирование старообрядческой концепции «труда благочестивого» в конце XVII — начале XVIII в. К вопросу о конфессионально-этических факторах старообрядческого предпринимательства. / ВВ. Керов // Старообрядчество: история, культура, современность. — 1996. № 5. С. 36-44; Он же. Духовный строй старообрядческого предпринимательства: альтернативная модернизация на основе национальной традиции. // Экономическая история. Ежегодник, 1999. — М., 1999. С. 195-234

⁹ Коваль Т.Б. «Духовные христиане»: религиозное своеобразие и этика труда. / Т.Б. Коваль // Мир России. Социология. Этнология. Культурология. Том. II. - 1993. № 1. С. 20-62.

¹⁰ Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время. / Б.Н. Миронов // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. - М., 1999. С. 278.

¹¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. / В.И. Ленин. - Т. 27. С. 308.

¹² См., напр.: Китанина Т.М. Рабочие Петербурга, 1800-1861 гг.: промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочие движения. — Л., 1991; Кириянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.) / Ю.И. Кириянов. — М., 1979; Он же. Менталитет рабочих России на рубеже XIX - XX вв. // Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций: 1861 — февраль 1917 г. / Отв. ред С.И. Поголов. СПб., 1997; Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900-1910 годах. / Э.Э. Крузе. - Л., 1981.

¹³ Поткина И.В. От социального патернализма к социальной инфраструктуре предприятия: опыт Никольской мануфактуры. Вторая половина XIX — начало XX вв. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. / И.В. Поткина. - Под ред. Л.И. Бородкина. - М., 2000. С. 107.

¹⁴ Среди специалистов по этой проблеме существует мнение, что жесткое противопоставление традиционной и современной типов трудовой этики (по Веберу) для России применимо вообще лишь в очень незначительной степени.

¹⁵ Смирнова Т.М. «Бывшие». Штрихи к социальной политике советской власти. / Т.М. Смирнова // Отечественная история. - 2000. № 2. С. 37-48.

¹⁶ Тихонов В.И., Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. / В.И. Тихонов, В.С. Тяжельникова, И.Ф. Юшин. - М., 1998.

¹⁷ Отработавшие 5 лет на тяжелых физических работах восстанавливались в избирательных правах и до 1934 г. См.: Тихонов В.И., Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. / В.И. Тихонов, В.С. Тяжельникова, И.Ф. Юшин С. 17-61.

¹⁸ Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 — середина 1930-х годов). / А.К. Соколов // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. С. 40.

¹⁹ Население России в XX веке. Т. I - 1900-1939 гг. - М., 2000. С. 97

²⁰ КПСС в резолюциях, решения съездов, конференций и пленумов ЦК. - М., 1982. Т. 2. С. 251-252.

²¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. / В.И. Ленин. - Т. 40. С. 311.

²² Многократные факты такого рода выявлены при работе с материалами фондов первичных партийных организаций московских промышленных предприятий (Московский телеграфно-телефонный завод, завод «Динамо», шелко-ткацкая фабрика «Красная Роза») в Центральном архиве общественных движений г. Москвы. ЦАОДМ Ф. 264, 432, 486.

²³ Там же. Д. 12. Л. 33.

²⁴ Соколов А.К. Указ соч. - С. 42-43.

²⁵ ЦАОДМ. Ф. 264. - Оп. 1. - Д. 2. Л. 31-32; 59-59/об.

²⁶ Там же. Д. 12. Л. 3-3/об ; Л. 40/об; Л. 44, 48/об.

²⁷ Там же. Л. 47.

²⁸ Там же. Д. 7. Л. 15-17.

²⁹ Там же. Д. 11. Л. 2.

³⁰ Песня о встречном. 1933 г. Слова Бор. Корнилова, муз. Д. Шостаковича

³¹ Марш веселых ребят. 1934 г. Слова В. Лебедева-Кумача, муз. И. Дунаевского.

³² Не случайно, по всей видимости, сегодняшний рекламный ролик аксиоматично утверждает: «Ведь предвкушенье волнует больше, чем успех.» Вряд ли такое утверждение «сработает» на поле более рационального массового сознания немцев или, например, французов.

³³ Марш энтузиастов. 1936 г. Слова А. Д'Актиля, муз. И. Дунаевского

³⁴ Соколов А.К. Указ соч. — С. 61.

³⁵ Соколов А.К. Указ соч. — С. 65.

³⁶ Центральный муниципальных архив г. Москвы (ЦММ). Ф. 176.

Оп 4.

³⁷ ЦММ. Д. 4.Л. 208.

³⁸ ЦММ. Д. 6.Л. 262.

³⁹ ЦММ. Д. 8.Л. 432.

⁴⁰ ЦММ. Д. 102. Л. 1.

⁴¹ Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 года: иллюзии и реальности администрирования. / О.В. Хлевнюк // Коммунист, 1989. № 9. С. 92.

⁴² Соколов А.К., Курс советской истории. 1941 — 1991 гг. / А.К. Соколов, Тяжельникова В.С. - М, 1999. С. 259-260.

⁴³ Заславская Т.И. Социология экономической жизни: Очерки теории. / Т.И. Заславская, Р.В. Рыбкина - М, 1991. С. 148-181; Маркович Д. Социология труда. С. 502-551.

⁴⁴ Интервью каналу «Время» ОРТ с комментариями по поводу послания Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 3 апреля 2001 г.